

ГБУК НСО "Новосибирская областная юношеская библиотека"

Сумерки

Социокультурные
истoki романа
С. Майер

Новосибирск
2012

Макет обложки:

Гребенкина О.В.

Технический редактор:

Гребенкина О.В.

Ответственный за выпуск:

Терентьева Т.Н.

Соснин Евгений Викторович. Сумерки. Социокультурные истоки романа С. Майер / Е.В. Соснин.— Новосибирск: ГБУК НСО НОЮБ, 2012. — 39 с.

© Новосибирская областная юношеская библиотека, 2012

ВСТУПЛЕНИЕ

В наш современный век, век высоких скоростей и разнообразных технологий, когда социальная среда меняется быстрее, чем сменяются поколения, извечный конфликт «отцов» и «детей» ощущается особенно остро. Всё реже и реже молодые люди берутся за книгу, предпочитая интернет и социальные сети, но, даже читая, они зачастую рассматривают книгу не как источник знаний, а как способ приятно провести время.

И всё же нельзя сказать, что молодёжь, подростки, не ищут в книгах ответы на волнующие их вопросы. «Особое место у читающей молодёжи занимают эмоциональное и эстетическое виды чтения. Воображение переносит юного читателя в другой мир, созданный по определённым законам и формулам, поэтому молодёжь читает детективы, приключения, любовные романы, фэнтези» [Рахимчанова, 2011:43]. То есть, на первый план выходит литература массовая, заметно потеснившая классику. Старшему поколению, воспитанному на серьёзной литературе, привыкшему неторопливо общаться с объёмными томами в поисках не только эмоциональной, но и философской глубины, современное «чтиво» может показаться лишённым всякого содержания. А потому мы недоумённо пожимаем плечами, когда подросток взволнованно рассказывает об очередном фантастическом романе или о «вампиурской саге» и недоверчиво спрашиваем: «Ну и что же полезного можно извлечь из всего этого?» Беда в том, что сами подростки зачастую не могут внятно рассказать о том, чем же их тронула та или иная книга, или просто не хотят, зная, как отнесутся к этому взрослые, которые обычно погружены в свои проблемы и не всегда вникают в интересы детей.

Для таких случаев и нужна библиотека, обладающая всеми необходимыми для разъяснительной работы ресурсами: книжными фондами, профессиональными кадрами и опытом массовой работы, в том числе и с молодёжью. Опытный, эрудированный библиотекарь поможет не только в выборе новой интересной книги, но и в углублённом понимании уже прочитанного, ибо любая книга может стать отправной точкой увлекательного путешествия по миру знаний. Даже художественная. Вспомним бессмертные романы Ж. Верна, из которых мы узнавали о научных открытиях и неизведанных землях, или произведения А. Дюма, открывавшие нам быт и нравы Франции XVII века. Конечно, художественная литература не пособие по истории или физике, но рядом с ней всегда шла литература научно-популярная, освещавшая существенные различия. В нашей стране наиболее известной была книга литературоведа Б.И. Бродского «Вслед за героями книг» [Бродский, 1967]. С её помощью юные читатели мысленно переносились в Древний Рим времён восстания Спартака, участвовали в рыцарском турнире, где сражался Айвенго, бродили с Квентином Дорвардом по мятежному Льежу и с мушкетёрами по Парижу. Сейчас выходят в свет книги

американского физика М. Каку, где он использует классическую и современную фантастику для популяризации достижений современной науки [Каку, 2008].

Но не каждый библиотекарь может позволить себе тратить рабочее время на поиск специализированной отраслевой литературы по различным проблемам, отражённым в современной фантастике и «фэнтезийных» жанрах и наиболее популярных в молодёжной среде, да и сама методика анализа довольно сложна, а вот найти с подрастающим поколением общий язык, направить и углубить формирующиеся интересы, воспитать активного и внимательного читателя должен, думаю, каждый.

Предлагаемое пособие представляет собой описание методики, выявляющей сложный культурно-исторический, социальный, научный и философский фон, на котором разворачиваются сюжеты массовой литературы, на примере популярного в подростковой среде мистического романа С. Майер «Сумерки». Это произведение вызывает неоднозначные оценки, но, в то же время, оно может стать поводом для серьёзных исследований в самой интригующей области человеческого знания.

МАССОВАЯ ЛИТЕРАТУРА И СЕРЬЁЗНЫЕ КНИГИ

Обычно мы свысока смотрим на современную массовую литературу, справедливо обвиняя её в низкопробности, отсутствии глубины содержания и потакании примитивным вкусам. Но, для того чтобы убедить в этом других (и не только подрастающее поколение, но, увы, и многих взрослых), нужны уже не эмоции и ссылки на личные вкусы, а серьёзные аргументы, требующие от нас немалых знаний в различных областях, прежде всего, филологических, поскольку самые надёжные аргументы даёт нам научный анализ языка и поэтики произведения, и здесь без языкознания и литературоведения не обойтись.

Для начала перечислим основные признаки массовой литературы с точки зрения языка, поскольку именно языковые приметы наиболее чётко определяют сущность данного явления. **«Небывалый коммерческий успех массовой литературы в наши дни во многом объясняется изменением ценностного отношения к языку. Именно поэтому терминологическое осмысление ключевого словосочетания «массовая литература» зависит от выявления типовых особенностей языка текстов, имеющих повышенный коммерческий спрос. Язык отдельного текста целесообразно рассматривать в его соотношении с общественной и культурной ситуацией»** [Купина, 2010: 66]. Это очень важное положение, поскольку оно чётко определяет границы тех навыков и знаний, которыми должен обладать библиотекарь при работе с молодёжью: лингвистика, литературоведение, социология и история культуры как минимум.

Итак, массовая литература характеризуется:

- тенденцией к обеднению речи;
- тенденцией к стереотипности;
- тенденцией к нелитературности.

Каждая из этих тенденций имеет своё чёткое материальное выражение в тексте. **Речевая бедность** заключается в дефиците знаменательной лексики, вытесняемой разного рода местоимениями, междометиями, где предметное значение размывается, уступая место неопределённым коннотациям, которые, в конечном счёте, подменяют глубокие и разносторонние чувства примитивными ощущениями. Обедняют современную литературу и неоправданные повторы, а также явные нарушения синтаксических правил. **Стереотипность** проявляется в использовании готовых клишированных «речемыслительных» формул, формирующих примитивное массовое сознание и закладывающих в него незатейливые идеи и образы. **Нелитературность** связана с сознательным отступлением от системно-языковых норм, что является, пожалуй, самым существенным, поскольку литературный язык – это основная форма существования общенационального языка. Нормированность, кодифицированность, обработанность мастерами слова, позволяют носителям литературного языка выражать тончайшие оттенки мыслей и чувств, в полной мере отражая многообразие и глубину окружающего нас предметного мира [Купина, 2010: 68-84]. Поэтому отступление от литературных

норм ведёт не только к упадку языка и литературы, но и к деградации сознания и развитию всевозможных патологий, ведь язык и сознание неразрывно связаны.

Однако, в полном соответствии с законами диалектики, негативные тенденции можно использовать во благо, поскольку на деле границы между серьёзным и несерьёзным весьма подвижны, и не всякая плохо написанная вещь бессодержательна. Напротив, именно примитивность формы зачастую компенсируется обращением к самым сильнодействующим образам, способным возбуждать наш интерес и приковывать взгляд. Эффект, который оказывают на наше сознание эти популярные образы, объясняется их древностью и связью с глубинными уровнями нашего подсознания, формировавшегося в архаическую эпоху.

Это касается не только книг, но и искусства в целом, восприятие которого требует определённого уровня образования и культуры. Традиционные сюжеты и мотивы, персонажи и события воспринимаются без предварительной подготовки гораздо легче, если они не отягощены своеобразием авторского стиля, глубиной проработки и постановки проблем.

Традиция неразрывно связана с мифологией, фольклором и фантастикой, и в этой плоскости, на наш взгляд, массовая и классическая литературы тесно пересекаются (С. Зенкин даже определяет массовую литературу как «новейшую индустриальную модификацию фольклора» [Зенкин, 2003:157]). Реализму, например, «часто свойственно преувеличение, подчёркивание отдельных сторон образа для выражения его существенного содержания... Преувеличение, даже заострение образа до гротеска, если художник стремится выразить сущность содержания, не противоречат реализму и являются обычными приёмами реалистического метода» [БСЭ Т. 36. 1954: 155-156]. Примеров, подтверждающих данный тезис, довольно много, достаточно вспомнить сатирическую прозу М.Е. Салтыкова-Щедрина, но и традиционная фантастика в этом смысле являет нам достаточно серьёзный образец решения острых социальных проблем общества. Романы Ж. Верна знакомили подрастающее поколение с основами научных знаний, Г. Уэллс размышлял о социальном распаде и деградации современного ему общества («Машина времени»), об отношении высокотехнологической цивилизации к традиционным обществам («Война миров») и о личном выборе учёного, владеющего огромными знаниями, дающими ему преимущество перед другими людьми («Человек-невидимка»). Идея последнего романа, кстати, уходит корнями в античную традицию и позаимствована из трактата Платона «Государство», где есть рассказ о волшебном кольце Гига, которое делало своего владельца невидимым (Гос. II, 359d-360e). Другая знаменитая идея Платона – легенда о Пещере (Гос. VII, 514b-515b) – воплощается не только в эпизоде со стеклянным сосудом в произведении Э.Т.А. Гофмана «Золотой горшок», но и в американском фантастическом боевике «Матрица», объединяя древнюю мифологию, классику и современную массовую культуру.

«Массовая культура занимает промежуточное положение между обыденной культурой, осваиваемой человеком в процессе его социализации, и элитарной культурой, освоение которой требует определённого эстетического вкуса и образовательного уровня» [Черняк, 2009:12].

МЕТОДЫ РАБОТЫ

Подобная преемственность даёт нам возможность приобщать современную молодёжь к серьёзной литературе, используя проверенный метод «от простого к сложному» и говоря с младшим поколением на его языке, тем самым не просто повышая его книжную культуру, но и преодолевая традиционный разрыв между «отцами и детьми». Это позволит познакомить молодых людей с наследием прошлого, не забирая у них близкие сердцу интересы, но обогащая их новыми смыслами. Главная сложность заключается в достаточно большой предварительной работе, которую библиотекарь проводит до того, как встретиться с читателями.

На первом этапе необходимо подобрать подходящие книги. Они должны быть достаточно известны, популярны и содержать хотя бы элементы мифологического, историко-культурного или научного характера. Выбор литературы может быть произвольным, но лучше, если он будет подчинён определённой теме, например, истории науки (здесь пригодится не только фантастика, но и приключенческие романы Ж. Верна), исследовании космоса, древним культурам (здесь интересно рассмотреть жанр фэнтези), морскому делу (на примере многочисленных историй про пиратов). Подобный тематический подход развивает не только системность мышления, но и даёт целостное представление о мире.

На втором этапе популярное произведение анализируется на предмет мотивов и образов, которые потом рассматриваются на широком историческом и мифологическом фоне с целью выявления преемственности.

В дальнейшем определяется круг классических произведений, реализующих те же мотивы и образы, от древности до наших дней, и уже они предлагаются вниманию слушателей для разбора и обсуждения.

Кроме того, на основании изученного материала проводится реконструкция древних архетипов и предлагаются темы для самостоятельного творчества.

Необходимо отметить, что логические противоречия и странности в ткани повествования, облике героев, описании местности или событий, как говорил Шерлок Холмс, зачастую являются ключом к пониманию сути явления, а не досадной помехой. Особенно это характерно для произведений, напрямую связанных с древними традициями и народной культурой, поскольку элементы материальной культуры прошлого, не исчезают в потоке времени, а превращаются в элементы культуры духовной, соединяясь между собой иногда причудливым образом, ибо реалии, породившие их, давно канули в лету.

Так, например, если у какого-либо персонажа что-то не так с ногой (повреждена, отсутствует, или просто как-то выделяется), значит, он восходит к мифологическим змееподобным существам, символизировавшим тёмный, враждебный человеку мир (например: Баба Яга Костяная Нога русских сказок или одноногий моряк Джон Сильвер из романа «Остров сокровищ»). Если упоминается что-нибудь белое или прозрачное (молоко, стекло, хрусталь), то сюжет возник, скорее всего, ещё в эпоху Великого оледенения, каким бы современным он ни казался.

Это требует повышенного внимания именно к деталям повествования, а на них можно уже построить дальнейший разговор о древних языках и культурах, о традициях и их роли в современной жизни, и, конечно же, о серьёзных книгах, где обо всём этом можно прочитать.

Когда библиотекарь приступает к непосредственной работе с читательской аудиторией, то здесь наиболее приемлемыми формами подачи материала, на наш взгляд, являются **тематические выставки, вечера, читательские конференции** [Курбатова Е.В., <http://www.gorlib.ru/colleag/metod/bibmer/>], а также **историко-литературный клуб**, внедряемый нами на базе комплексного отдела художественной литературы.

Его работа строится на традиционном обсуждении, но само обсуждение проходит в три этапа:

1. Знакомство с сюжетом, выявление специфики образной системы произведения и языка автора. На данном этапе ведущий только корректирует мнения участников, обращая внимание на детали, ускользнувшие от взора читателя. Здесь может применяться техника словесного рисования [Бусова, 2009:31].

2. Обсуждение культурно-исторического фона, на базе которого создавалось произведение. Здесь ведущий (а им может быть любой из участников заседания) знакомит слушателей с основами специальных знаний, необходимых для понимания произведения, например, основами естественных наук, если обсуждается фантастика, особенностями конкретной культуры, если речь идёт об историческом или фэнтезийном произведении. На данном этапе могут привлекаться ресурсы отраслевых залов и приглашённые специалисты.

3. Сравнение степени соответствия художественного произведения и реального культурно-исторического фона и выявление причин расхождений. При этом участники обсуждения могут воплотить собственное понимание и приобретённые знания в авторских работах самого разного порядка (рисунки, стихи, очерки), которые могут использоваться в дальнейшем для создания выставок, методических рекомендаций или альманахов.

Проиллюстрировать предложенный метод мы бы хотели на примере популярного ныне романа С. Майер «Сумерки», по которому был снят одноимённый фильм. Отношение к этому произведению сильно варьируется в зависимости от читательских вкусов и культурного уровня – от бурных восторгов до полного отрицания, – но именно оно показалось нам самым приемлемым для начала серьёзного разговора об истории литературы и культуры в целом.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН РОМАНА С.МАЙЕР «СУМЕРКИ»

Особенности сюжета. Содержание этой так называемой «саги» предельно простое: девочка-подросток по имени Белла Свон приезжает к своему отцу в маленький городишко Форкс, большую часть года укрытый тучами и непогодой. Там она знакомится с загадочным юношей Эдвардом Калленом и весёлым парнем-индейцем Джейкобом Блэком. С первых же дней знакомства Эдвард обнаруживает некоторые странности во внешнем облике и поведении: у него холодная кожа, иногда меняется цвет глаз, он внезапно появляется и исчезает, словно следит за Беллой, а однажды спасает её от неминуемой смерти, остановив рукой машину одноклассника, не справившегося с управлением на обледенелой дороге. Обратившись к старинной книге индейцев-квилетов и к интернету, Белла понимает, что её приятель – вампир. Вскоре выясняется, что и весёлый Джейкоб тоже принадлежит волшебному народу – он оборотень. На этом фоне разворачивается нехитрая история подростковой любви и всевозможные приключения, диктуемые законами жанра. Обычно «Сумерки» относят к разряду обычных «вампирских» историй с элементами мелодрамы (или к разряду заунывных мелодрам с элементами «вампириатины»), почти неотличимых друг от друга. Но в описании вампиров и оборотней, а также в некоторых деталях любовной драмы есть существенные отклонения от «вампирского канона», которые заставляют задуматься.

Вампиры у С. Майер не боятся солнечного света, но избегают солнца, поскольку в его лучах их бледная кожа начинает мерцать и переливаться, словно усыпанная драгоценными камнями:

«На ярком солнце он выглядел потрясающе... Белая кожа, слегка покрасневшая после вчерашней охоты, буквально сверкала, словно усыпанная алмазами. Эдвард неподвижно лежал на траве, а расстёгнутая рубашка обнажала сияющий мускулистый торс и блестящие руки... Статуя! Совершенная статуя, вытесанная из неизвестного людям камня, гладкого, как мрамор, искристого, как хрусталь» [Майер «Сумерки», глава 13].

Они обладают огромной физической силой, способны перемещаться с огромной скоростью на любые расстояния:

«– Я самый совершенный хищник на земле, разве не понятно? Тебя привлекает всё: моё лицо, голос, даже запах?.. Можно подумать, мне это нужно! – Неожиданно вскочив, он умчался прочь. В долю секунды, незримо, обогнул поляну и замер под тем самым деревом, где стоял до этого. Потом горько усмехнулся.

– Можно подумать, ты смогла бы скрыться!

Протянув руку, он без всяких усилий отломил огромную еловую ветку толщиной фута в два. Раздался оглушительный треск, Эдвард на мгновение взвесил обломок в руке и молниеносно швырнул его в соседнюю ель, так что огромное дерево содрогнулось от удара» [Майер «Сумерки», глава 13].

Они бессмертны и неуязвимы для любого оружия. Убить их может либо другой вампир, либо оборотень, причём тело вампира нужно разорвать на части и, по возможности, сжечь, иначе оно быстро регенерирует:

«Эдвард впился губами в её шею, словно хотел поцеловать..., а потом огненно-рыжая голова отделилась от тела, упала на снег и откатилась к деревьям. Не теряя времени, Эдвард быстро и по-деловому разорвал обезглавленное тело на части..., собрал содрогающиеся члены в кучу, засыпал хвоей и, не обращая внимания на мой ошеломлённый взгляд, отправился в лес за Сетом» [Майер, «Затмение», глава 24-25].

«— Но как? Лоран же вампир! Как вы его убили? Он ведь такой сильный, такой твёрдый, как мрамор...

— Для этого мы и созданы, Беллз! У нас тоже силы хватает» [«Новолуние», глава 13].

Умирая, они рассыпаются на куски, словно сделаны из гипса или глины: «Сет (*оборотень* — *Е.С.*) прыгнул вперёд со скоростью пушечного ядра. От удара Райли и оборотень улетели в лес, откуда послышался металлический скрежет и вопли Райли. Вопли внезапно прекратились, и раздавался лишь треск раздираемого на кусочки камня... Вернулись они быстро, я ещё не успела прийти в себя. Эдвард нёс останки Райли. Сет держал в зубах большой кусок туловища. Они бросили всё это в уже сложенную кучу, и Эдвард достал из кармана серебристую коробочку. Вспыхнуло пламя газовой зажигалки, и сухая хвоя моментально занялась: длинные языки оранжевого пламени быстро охватили мёртвые тела.

— Собери всё, до последнего кусочка, — тихо сказал Эдвард Сету.

Вампир и оборотень вместе прочесали всю поляну, время от времени подбрасывая в огонь небольшие куски белого камня» [Майер, «Затмение», глава 24-25].

У них много кланов в разных странах, их члены иногда носят имена древних богов, но самый могущественный клан Вольтури располагается в Италии, в замке Вольтерры: «Друзья Карлайла вдохновили Солимену, и он часто изображал их богами...Аро, Марк, Кай... — ночные покровители искусств» [«Сумерки», глава 16], да и сами Каллены относятся к так называемому Олимпийскому клану [«Рассвет»].

Оборотни у С. Майер тоже весьма примечательны.

Они превращаются в самых обыкновенных волков, только огромного роста, и делают это по собственному желанию (хотя Джейкоб упоминает, что есть оборотни, зависящие от лунных циклов):

«— А что бы случилось, если бы ты... сорвался? — шёпотом спросила я.

— Превратился бы в волка, — также шёпотом ответил Джейк.

— И полнолуние не нужно?

Джейк усмехнулся:

— Голливудская версия немного... привирает» [«Новолуние», глава 13].

Они принадлежат индейскому племени квилетов и называют вампиров «холодными»:

«— Ещё есть истории про «холодных», — Джейкоб понизил голос... — «Холодные» — наши исконные враги... Жить среди «холодных» для людей очень опасно, даже если они цивилизованны. Никогда не знаешь, когда они проголодаются и поднимут бунт...

— Но кто они? — спросила я наконец. — Кто такие эти «холодные»?

Парень зловеще улыбнулся.

– Кровопийцы! – леденящим душу голосом проговорил он. – Твои люди называют их вампирами» [Майер «Сумерки», глава 6].

Оборотни существуют, чтобы защищать людей от вампиров:

«– Белла, мы пытаемся делать свою работу... Просто защищаем людей от нашего общего врага... Даже существуем только потому, что есть *они*» [«Новолуние», глава 13].

Обращает на себя внимание тот факт, что С. Майер одной из первых объяснила непримиримую вражду между вампирами и оборотнями, о которой довольно часто упоминается в различных вампирских историях.

Как видим, отклонений от «канона» довольно много, и не все из них, на первый взгляд, объяснимы. Для того чтобы выявить закономерности необходимо обратиться к образам вампиров и оборотней в мировой литературе.

Происхождение названий вампиров и оборотней в европейской традиции.

Начнём с истории слов. Вампиры и оборотни встречаются в преданиях всех без исключения народов с древнейших времён, и названия у них самые разные, но массовому читателю наиболее знакомы *вампир* (английское *vampire*, нем. *Vampir*, фр. *vampire*), *упырь*, *вурдалак* и *оборотень* (английское *werewolf*, нем. *Werwolf*, фр. *loup-garou*).

Слова *вампир* и *упырь* восходят к одному источнику – сербско-болгарскому слову *qпирь* “дух, сосущий по ночам кровь у спящих людей”. По А. Вайану, оно возникло на сербской почве в XVI в., откуда в XVII-XVIII вв. было заимствовано европейцами, где и приобрело современный вид [Виноградов, 1999:463-464]. Таким образом, *вампир* – заимствованная европеизированная форма, а *упырь* – исконно славянская. Согласно наиболее вероятной точке зрения, *qпирь* является производным от индоевропейского корня **per-*, к которому относятся слова *перо*, *парить*, *нетопырь* “ночной летун” и др., и означает “мертвец, улетающий (т.е. убегающий) из могилы”. В славянском фольклоре, кстати, вампиры изначально не пили кровь, а были просто блуждающими духами, вредящими живым [там же:464]. Интересно, что, согласно древнерусскому переводу греческого поучения Григория Богослова «Слово святого Григория изобретено в толцах о том, како първое погани сущее языци кланялися идолом...» (сокращённо «Слово об идолах»), древнейшим языческим культом у славян был культ упырей и берегинь: «Се же словене начали трапезу ставити Роду и рожаницам переже Перуна бога их. А преже того клали требы упиремь и берегыням» [Рыбаков, 1994:15], так что «вампирские истории» имеют прямое отношение к русской литературе и культуре в целом.

Слово *вурдалак* появилось в русском литературном языке благодаря одноимённому стихотворению А.С. Пушкина из цикла «Песни западных славян», а широкое распространение получило после выхода в свет рассказа А.К. Толстого «La famille du vourdalak» (Семья вурдалака). Это – книжное видоизменение южно-русского *волкодлак*, восходящего к церковнославянск. *Влькодлакъ* “волчья шкура навыворот; оборотень в волчьей шкуре” [Виноградов, 1999:463]. Интересно, что в

стихотворении А.С. Пушкина «вурдалак» на поверку оказывается обыкновенной собакой:

*Что же? Вместо вурдалака
(Вы представьте Вани злость!) –
В темноте пред ним собака
На могиле гложет кость.*

[Пушкин, 1972:196].

В.В. Иванов трактует это слово по-иному, возводя вторую часть композита к балтийскому пракорню **dlak-* “медведь” при лит. *lokys* латыш. *lācis* [Иванов, 2009:123]. Таким образом, волкодлак это «волко-медведь», т.е. мифическое существо, объединяющее в себе свойства двух самых сильных и почитаемых древними европейцами зверей. Верность подобного этимологического решения подтверждается наличием в германских языках имён, повторяющих данную словообразовательную модель: др.-исл. *Ulfbiorn*, др.-нем. *Wulfbero*, гот. *Berulfus* [там же :124], а также распространённое обозначение медведя через волка: др.-англ. *beowulf* “пчелиный волк; медведь” и русск. *медведь* при др.-исл. *miöðvitnir* “волкооборотень”. У П. Мериме есть замечательный рассказ «Локис», продолжающий тему оборотней, название которого взято как раз из литовского языка, поскольку дело происходит на границе Литвы и России.

Русское слово *оборотень* кажется довольно простым, поскольку происходит от глагола *оборачиваться*, т.е. превращаться. Но данные русских говоров показывают, что оборотень – это, прежде всего, “безобразный, упрямый, сварливый человек”, а также “человек, побывавший повсюду” [СРНГ. Т. 22 :179]. *Оборотливым* обычно называют смелого человека, а *оборотистым* – ловкого [там же:180]. Да и в русском литературном языке слово *обёртка*, производное от глагола *оборачивать*, указывает на то, что оборотни не превращались в зверей, а одевались в звериные шкуры, подражая им. Типологически на это же указывает актёрское выражение *искусство перевоплощения* и названия древнеисландских воинов – *ulfserkr* и *berserkr* “волчья и медвежья шкура”.

Возвращаясь к пушкинскому «Вурдалаку», отметим, что вампиры, по преданиям, не только пьют кровь, но и обгладывают кости умерших. Слово *кость* тоже имеет прямое отношение к нашей теме, ибо в русском языке у него далеко неоднозначный смысл. Кость может обозначать фигуру, телосложение (*крепкая кость*), социальное происхождение (*белая кость*) и даже народ (*русская кость тепло любит* у Даля), а по свидетельству Е.Е. Голубинского в средневековой греческой церкви существовал обряд так называемого «второго захоронения». Через три года после смерти человека его тело выкапывали из земли и детально изучали. Если оно разлагалось, то кости омывали вином и водою, заворачивали в белую ткань и помещали в особый ящик (*кимитрию*), а затем заново хоронили. Если же тело оставалось нетленным, покойник признавался вампиром [Виноградов, 1999:461]. Отсюда пошло выражение *перемыть кости* в значении «убедиться, что человек не вампир, обсудить и установить тем самым истинные свойства и качества человека» [там же].

Как видно из приведённых примеров, вампиры и оборотни часто смешивались в народном сознании, при этом свойства одних переходили на других персонажей. В особенности это касается мотива высасывания крови. В немецких преданиях оборотнями могли становиться умершие колдуны, которые по ночам вставали в волчьем облиии из могил и пили кровь людей. Этот момент мы разберём позже, а пока отметим, что этимологическое исследование названий вампиров и оборотней указывает на социальный и биологический подтекст данного явления: воины в звериных шкурах, вредные и сварливые люди, враждебные чужаки или представители высшей касты (мертвецы, белые кости). Показательно, что само слово *упырь* в русском языке обозначает скорее «эксплуататора-кровопийцу», а выражение *он у меня всю кровь выпил* (*он мне всю кровь попортил*) тоже не имеет прямого отношения к обычной крови. Эти факты заставляют обратиться уже не к этимологии, а к истории.

Биологические и социальные истоки вампиризма. Наиболее вероятным источником происхождения преданий о вампирах признаётся редчайшее заболевание крови *порфирия*. Согласно сайту Гематологического научного центра РАМН *порфирии* — это «группа наследственных заболеваний, в основе которых лежит нарушение биосинтеза гема, приводящее к избыточному накоплению в организме порфиринов и их предшественников, а именно, порфобилиногена (ПБГ) и δ-аминолевулиновой кислоты (АЛК). Избыток этих веществ оказывает токсическое воздействие на организм и обуславливает характерную клиническую симптоматику. Причиной подобного нарушения является мутация гена, ответственного за активность одного из ферментов, участвующих в многостадийном синтезе гема. По клиническому течению заболевания часто порфирии делят на острые формы порфирии и формы, протекающие с клиникой преимущественного поражения кожных покровов. В клинике острых порфирий доминируют тяжёлые неврологические нарушения, затрагивающие все отделы нервной системы. Как следует из названия, для них характерно острое, реже подострое начало болезни. При поражении кожи преимущественно страдают участки кожных покровов, падающие под прямые солнечные лучи» [Что такое порфирия? режим доступа: <http://porphyria.blood.ru/ctotakoe.htm>]. Страдающим порфирией необходимы инъекции гемоглобина, ослабляющие разрушительные симптомы, но в древности и Средние века это было невозможно, а потому больные пили огромное количество крови, так как гемоглобин через стенки желудка усваивается крайне плохо.

С другой стороны, возникновению поверий о вампирах, как оживших мертвецах, могли способствовать феномен летаргического сна и явления нарколепсии и каталепсии, иногда сопровождающие шизофрению. Последний момент наиболее важен, поскольку *шизофрения* (от греч. *σχίσσις* “раскалывание” и *φρήν* “ум”, т.е. “раздвоение личности”) представляет собой «группу психозов, при которых наблюдаются существенные расстройства личности, характерное искажение мышления, часто чувство воздействия посторонних сил, бред, который может быть причудливым, расстройства восприятия, аффективные реакции, не адекватные реальной ситуации, и аутизм обычно при сохранности ясного сознания и ин-

теллектуальных способностей» [Клиническая психиатрия, 1989:319]. Учитывая, что в начале XVIII в. по Европе прокатилась волна так называемой «вампи́рской эпидемии», связанной с многочисленными случаями смерти людей от истощения и потери крови, подобная версия выглядит вполне убедительной. Крайне тяжёлые условия жизни, вызванные бурным развитием капитализма, ростом эксплуатации и потерями, которые понесла Европа в результате инквизиции, а также глобальные конфликты, вроде Войны за испанское наследство (1701-1714 гг.) и бесконечной борьбы Центральной Европы против турок, завершившейся Венской битвой (1683 г.) и изгнанием турок из Венгрии и Трансильвании, негативно сказывались на физическом и психологическом состоянии населения. Подобной точки зрения придерживался итальянский учёный Джузеппе Даванцати (1665-1755), который одним из первых серьёзно изучил феномен вампиризма [Каррен, 2009:228]. В своей диссертации «Dissertazione sopra I vampiri» (1744 г.) он отмечал, «вампи́рские эпидемии, которые охватили части Восточной Европы..., были результатом истерии и фантазии среди неграмотных и легковёрных крестьян» [там же].

Война с турками за Трансильванию подарила миру и «главного» вампира всех времён и народов – графа Дракулу, красочно описанного в романе Б. Стокера «Дракула» (1897 г.). Прототипом его был Влад II Цепеш (1431-1476 гг.), жестокий правитель Валахии, боровшийся против Османской империи. Своё прозвище он получил от отца Влада I, и означало оно «сын дракона» [там же:220].

Примечательно, что сам Б. Стокер – по происхождению ирландец и никогда не был в Восточной Европе. Анализ его произведения показывает, что писал он под сильным влиянием ситуации в Ирландии середины XIX в., когда многие графства, в частности Клэр и Голуэй, были охвачены так называемым «картофельным голодом» (1845-1852 гг.). Доведённые до отчаяния люди пили кровь животных, чтобы хоть как-то выжить, а в ирландском фольклоре того времени появился голодный дух *fear gorta*, бродивший по дорогам и убивавший людей.

Ко всем этим факторам следует добавить и туберкулёз – весьма распространённое в капиталистическом мире заболевание, связанное с бедностью, нищетой и войнами. Это заболевание «делало кожу бледной, как мрамор, и заставляло жертв кашлять кровью. В разгар эпидемии целые деревни были инфицированы, и местные погосты были полны заражёнными трупами» [там же:76].

Подобная картина не раз наблюдалась в истории Европы. Развитие феодализма и резкий скачок технического прогресса, завершившийся созданием тяжёлого колёсного плуга и появлением крупных городов, привёл к массовым вырубкам лесов и осушению болот под пахотные земли, что спровоцировало в конце XI в. тяжелейший экологический кризис, сопровождавшийся неурожаем, гибелью домашнего скота и эпидемиями чумы [Баландин, 2004:270-278], которая также сопровождалась кровохарканием. Возможно, именно к этим историческим периодам и восходят поверья, что вампиром становятся после укуса другого вампира, когда ядовитая слюна попадает в кровь, и что вампиры боятся чеснока и серебра (известных с давних времён как антисептики).

Довольно легко устанавливается и происхождение других вампирских особенностей, но мы их не касаемся, поскольку для нас важно, что истоки фольклорных образов коренятся в материальной культуре и истории народов.

Биологические и социальные истоки оборотничества. Свирепые и коварные оборотни, которых мы знаем по американским фильмам, имеют общее с вампирами происхождение. Обращаясь к русской классике, можно вспомнить рассказ А.И. Куприна «Серебряный волк», где человек становится оборотнем после турецкого плена, а в уже упоминавшемся стихотворении А.С. Пушкина «Вурдалак» отражено поверье, что вампиры поедают трупы, и при этом «вампир» на поверку оказывается собакой. Кроме того, в средневековых преданиях и их современных интерпретациях (например, в фантастическом романе П. Андерсона «Три сердца, три льва») оборотни – это знатные люди, обитающие в замках и похищающие по ночам людей. Примечательно, что эти оборотни часто имеют железные когти и лица.

Как и в случае с вампирами, все эти поверья возникли под влиянием разнообразных биологических, психологических и социальных факторов, связанных, прежде всего, с историей средневековой Европы. Одним из наиболее вероятных источников представлений об оборотнях могло быть редкое заболевание *гипертрихоз* (от древнегреч. *ὑπερτρίχωσις* «чрезмерная волосатость»), проявляющееся в избыточном росте волос. «Этот крайне редко встречающийся синдром известен по крайней мере 400 лет... Люди с этим состоянием не могли остаться незамеченными, и с давних времён короли держали их при дворе для развлечения придворных или же владельцы балаганов показывали их за деньги публике как уродцев «с лицом собаки» или «с лицом обезьяны»...» [Рук, Даубер, 1985: 219].

Вторым таким источником является расстройство психики, известное как *ликантропия*. Пример этого заболевания в Европе хорошо описан в романе Ш. де Костера «Легенда об Уленшпигеле», где рыбак по имени Иост Грейпстювер, погубивший отца главного героя, впоследствии по ночам убивал девушек. Интересно, что для этого он использовал металлическую вафельницу: «Тория нашла на земле вафельницу с длинными ручками. Осмотрев её при свете факелов, Тория обнаружила вырезанные в железных пластинах ромбы..., а также длинные острые зубья, придававшие вафельнице сходство с железной пастью. Когда Тория раскрыла её, то она приобрела сходство с пастью борзой собаки» [Костер, 1987: 301]. Примечательно, что в этом же эпизоде рыбака называют *werewolf* и вампир, привычно смешивая эти два понятия.

Ликантропия.

Железные когти и лица оборотней, а также их вампирский, кровожадный характер имеют и чисто социальные истоки. Во времена уже упоминавшегося голода в Европе, феодалы, обладавшие прекрасным оружием, многочисленной при-

слугой и жившие в укрепленных замках, пользовались этим, похищая по ночам людей из окрестных деревень и справляясь таким образом с голодом [Целлариус, 2005: 24-25]. Можно себе представить, какое впечатление производили на малограмотных крестьян, доведённых тяжёлой жизнью до умопомрачения, железные доспехи знатных «вампиров», тем более что забрала на рыцарских шлемах часто делалась в виде волчьей морды.

Этим, кстати, объясняется и знаменитая сцена из «Вия» Н.В. Гоголя: «И вдруг настала тишина в церкви; послышалось вдали волчье завыванье, и скоро раздались тяжелые шаги, звучавшие по церкви; взглянув искоса, увидел он, что ведут какого-то приземистого, дюжего, косолапого человека. Весь был он в черной земле. Как жилистые, крепкие корни, выдавались его засыпанные землею ноги и руки. Тяжело ступал он, поминутно оступаясь. Длинные веки опущены были до самой земли. С ужасом заметил Хома, что лицо было на нем железное. Его привели под руки и прямо поставили к тому месту, где стоял Хома. – Подымите мне веки: не вижу! – сказал подземным голосом Вий – и все сонмище кинулось подымать ему веки. «Не гляди!» – шепнул какой-то внутренний голос философу. Не вытерпел он и глянул. – Вот он! – закричал Вий и уставил на него железный палец» [Гоголь, 2007: 446-447]. Обращает на себя внимание необычный оборот «лицо было на нем железное», указывающий на личину, или забрало, которое необходимо было поднять для лучшего обзора. И хотя, конечно, в контексте произведения ничего подобного не подразумевалось, исторические корни этого мифологического образа просматриваются достаточно хорошо.

И всё же, не эти демоны, порождённые тяжёлыми условиями жизни феодальной и буржуазной Европы, положили начало оборотням у С. Майер. Их истоки надо искать гораздо глубже – в тотемистических воззрениях древних народов.

Волки-тотемы. Тотемизм представляет собой одну из древнейших форм первобытных верований, возникших на том этапе, когда человек ещё не выделял себя из природы.

Само слово *тотем* происходит из языка оджибве алгонкинской группы и означает «его род». Североамериканские индейцы оджибвеи знамениты в европейской традиции тем, что именно на основе их мифологии Г.У. Лонгфелло написал «Песню о Гайовате» (1855 г.). Термин *тотем*, введённый в научный оборот английским купцом и переводчиком Дж. Лонгом в 1791 году, обозначает совокупность верований,

Тотемы.

те» (1855 г.). Термин *тотем*, введённый в научный оборот английским купцом и переводчиком Дж. Лонгом в 1791 году, обозначает совокупность верований,

предполагающих кровное родство некоторой социальной группы с классом объектов окружающей действительности. Это могут быть не только животные и растения, но и неодушевлённые предметы, хотя чаще всего под тотемами подразумевают животных.

Отвлекаясь от мистических и сверхъестественных моментов данного верования, отметим, что в основе своей тотемизм, как и большинство элементов первобытной языческой мифологии, глубоко экологичен, поскольку родство людей и животных – это научный факт, из которого с неизбежностью следует необходимость бережного отношения к братьям нашим меньшим. Разумеется, древние понимали родство с животными несколько иначе, но суть, объединяющая современную науку и традиции и воплощённая в знаменитых словах Маугли «мы с тобой одной крови», от этого не меняется, делая тотемистические верования необычайно актуальными в условиях современного экологического и антропологического кризиса.

Особое место среди традиционных тотемов занимают волки, что неудивительно, учитывая своеобразие этих хищников и их роль в формировании и истории человечества. Одним из первых серьёзное внимание на волков обратил канадский зоолог Ф. Моуэт. В своей прочувствованной книге «Не кричи: «Волки!»» (1963 г.) он показал изумительные душевные качества волков, их ум и огромную роль в природе. Волки не так агрессивны, как пытались в своё время доказать люди, заинтересованные в истреблении хищников, у них есть свой язык, мало чем отличающийся от нашего, и даже чувство прекрасного (так, волки воют на луну не с какими-то особыми целями, а просто потому, что им это нравится), а супружеская верность в волчьей семье встречается гораздо чаще, чем у людей.

Необычайно высокий уровень интеллекта волков отмечали многие исследователи [Алексеева, 2001: 93-98], этой проблемой занимаются такие науки, как биосемиотика, этология, зоопсихология, и среди выявленных закономерностей особенно важно соотношение уровня интеллекта со степенью социализации. Данные эволюционной биологии показывают, что объединение в коллективы резко повышает адаптационные возможности животных и способность объективно анализировать реальность, выявляя системные закономерности, необходимые для выживания. Именно поэтому, например, в русском языке слова, обозначающие важные для человеческой жизни понятия, включают в себя «коллективную» приставку *со-*: *совесть* “совместное знание”, *сочувствие* “совместные чувства”, *сознание* “совместное знание”, *сомнение* “совместное мнение”, причём последнее слово указывает на принципиальную необходимость сверять свои убеждения с убеждениями окружающих. Как отмечал французский социолог Э. Дюркгейм (1858-1917): «Коллективные представления – продукт обширной, почти необъятной кооперации, которая развивается не только в пространстве, но и во времени. Для их создания множество различных умов сравнивали между собой, сближали и соединяли свои идеи и чувства, и длинные ряды поколений накапливали свой опыт и свои знания. Поэтому в них как бы сконцентрировалась весьма своеобразная умственная жизнь, бесконечно более богатая и более сложная, чем умствен-

ная жизнь индивида. Отсюда понятно, почему разум обладает способностью переходить за пределы эмпирического познания» [Дюркгейм, 1996:126].

Древние воины.

Сложная социальная структура волчьей стаи, их невероятно развитая сигнальная система (вой), а также потрясающие воображение методы охоты с долгосрочным планированием и распределением ролей привлекали внимание с древнейших времён. Сравнение же с методами первобытной охоты у людей навело палеозоологов на мысль, что волки сыграли определённую роль в становлении человеческих коллективов. Есть все основания полагать, что люди первоначально выполняли при волках роль охотничьих собак и только позднее «поменялись» с волками местами [Целлариус, 2007: 18-20]. Открытие палеозоологов хорошо объясняет, почему во многих европейских традициях волк был символом социальной иерархии и власти вождя. Так, в «Слове о полку Игореве» русские князья постоянно превращаются в волков, а исторически княжеские плащи и шапки были оторочены волчьим мехом. У германцев волки покровительствовали воинам, а в древнем Риме легковооружённые воины-велиты носили поверх шлемов волчьи шкуры с цельными головами.

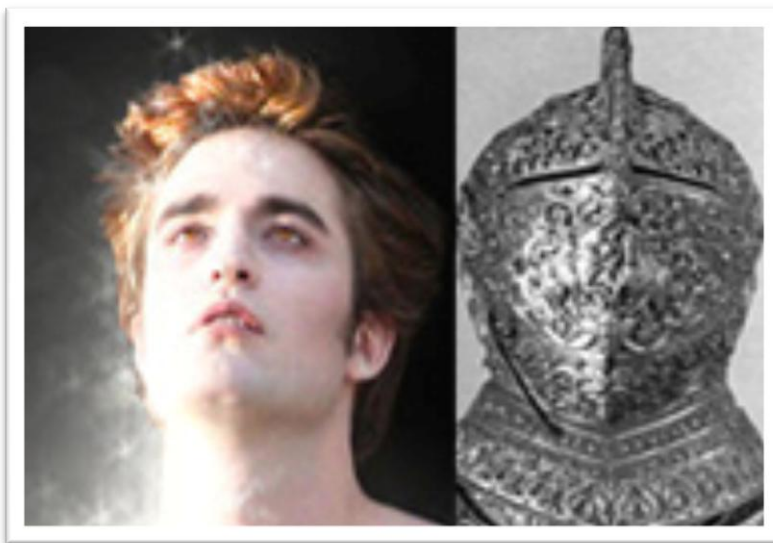
Изучение мифологии волков разных народов помогает объяснить, почему оборотням наряду с вампирами приписывали способность пить кровь людей. Так, в абхазском эпосе, сохранившем некоторые архаические черты, героя Арая после гибели воскрешают его тотемы – собаки (часто выступающие как окультуренные заместители волков). Они зализывают его раны, исцеляя его [Иванов, 2009:128]. Таким образом, поздний мотив «волки пьют кровь» является искажённым моти-

вом «волки слизывают кровь, исцеляя раны» и не имеет ничего общего с вампиризмом.

Вообще, в древней традиции, не искажённой современным кинематографом и массовой литературой, волки – исключительно положительные звери, всегда приходящие на помощь людям (как в сказке про Ивана-Царевича) и воплощающие собой духов предков. Поэтому Джейкоб в разговоре с Беллой и замечает саркастически:

«– Голливудская версия немного... привирает» [«Новолуние», глава 13].

Исторический подтекст в романе С. Майер. Возвращаясь к странностям в описании вампиров и оборотней «Сумеречной саги», мы теперь можем уверенно сказать, что за ними должна стоять некая социально-историческая реальность, определившая отклонения от «вампирского канона». Перечислим ещё раз эти отклонения, следуя за героиней романа: скорость, огромная физическая мощь, непробиваемая кожа, мерцающая и переливающаяся драгоценными камнями в свете солнца, элитарность и утончённость, обширные познания в науках и искусствах, бледные лица и штаб-квартира в Италии, а кроме того, извечная вражда с индейцами-квилетами, которые называют вампиров «белыми» и «холодными».

Лицо вампира.

Мерцающая непробиваемая кожа.

В этом описании без труда узнаются конкистадоры, завоевавшие в своё время Новый Свет, и шире – белые европейцы, колонизировавшие Восток. Проще всего интерпретируется бледность кожи, действительно слегка неестественная для краснокожих индейцев, смуглых индусов и арабов и чёрных негров. Блестящая непробиваемая кожа – это стальные доспехи, которые часто покрывались замысловатыми узорами, а в конце Средних веков изготавливались по образцу модной одежды высшего света.

Кстати, само сочетание *Высший свет* (по-латыни *Люкс*), значащее правящую элиту, усиливает социальное звучание этого образа. Даже современных правителей часто называют небожителями и сравнивают с богами, а в древности любой царь, жрец и князь считался воплощением некоего божества.

Высший свет. Люкс.

Сравнительное языкознание показывает, что исторически богами назывались именно властители и господа, откуда самое распространённое обращение к божеству – *господь* (т.е. «господин»). Само слово *господь* “господин”, попавшее в русский язык из старославянского, восходит к древнему индоевропейскому словосложению **ghosti-potis* “гостеприимный хозяин дома” [Лома, 2006:186-192]. У древних индоевропейцев разделение на небесных бессмертных и земных смертных лежало в основе классификации людей [Гамкрелидзе, Иванов, 1984]. Так что бессмертными власть имущих делала не природа, а сила, богатство и власть.

Сравнительное религиоведение не только подтверждает это положение, но и довольно чётко показывает, что все без исключения небесные иерархии духов, ангелов и божеств создавались и эволюционировали по образу и подобию вполне земных социальных институтов, а их светлость определялась местонахождением божественных обителей, которые были чаще не на небе, а на горах (вроде Олимпа), ближе к свету солнца, что определялось простыми стратегическими соображениями, поскольку укреплённое поселение на господствующей высоте позволяет эффективно контролировать окрестности. Хочется обратить внимание на то, что обозначения господ и их окружения (*высший свет, ваша светлость, ваше сиятельство, господствующее положение, господствующая высота*) довольно ясно указывает на правильность подобных выводов.

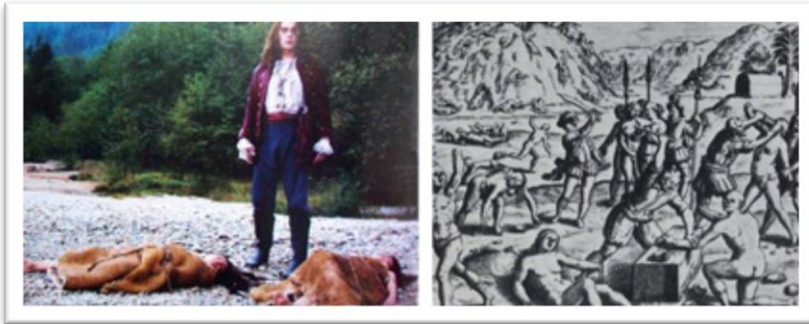
Сила и скорость вампиров, а также их обширные познания являются художественными интерпретациями технологического превосходства европейцев над туземцами. Конкистадоры использовали конницу и огнестрельное оружие, которых не знали индейцы, а колонизаторы Азии и Африки имели в распоряжении мощные транспортные средства, поражавшие воображение местных народов. Как отмечает шведский путешественник Свен Линдквист, технический прогресс всегда подчинялся задачам военно-промышленного комплекса: мощные корабли нужны были для доставки завоевателей через море, железные дороги – для быстрого разграбления иных земель, и даже мирный архимедов винт стал основой нарезных ружей. Прискорбно, что знаменитая теория Ч. Дарвина, бросившая вызов религии, тоже была использована во вред людям: британские антропологи сразу занялись оправданием варварского истребления коренных народов Азии и Африки. Как писал У. Уинвуд Рид, «Мы должны научиться хладнокровно смотреть на подобный исход. Он иллюстрирует благотворный закон природы, который гла-

сит, что слабые должны уничтожаться сильными», а другой антрополог, Ричард Ли, выступая на заседании Лондонского антропологического общества, заявил: «Мы, цивилизованные люди, лучше знаем, как использовать земли, которые долгое время служили непотревоженным домом «чёрного человека». Приходит новая эра, которая преумножает все человеческие усилия. Волна европейской цивилизации поднимается над землёю. Благодаря своему моральному и интеллектуальному превосходству англосаксонская раса сметает прежних обитателей с лица земли» [Линдквист, 2007:75, 136]. Любопытно, что культурологи отмечают особую связь вампиров с техническими средствами: «даже будучи узаконенным, страх перед электромагнитной слежкой создает один из величайших шизофренических мотивов XX века: подозрение, что нечистая квазителепатическая сила использует транзисторные приемники, телевизоры, зубные протезы или микроволновые сигналы для того, чтобы поработить мозг и манипулировать поведением. Эти параноидальные подозрения обычно содержатся в историях об агентах КГБ, инопланетных зондах или экспериментах ЦРУ по контролю над сознанием. Эта светская мифология подходит для овнешненного электронного «я», открытого и доступного вниманию невидимых агентов, рыскающих повсюду в информационном пространстве. Но зарождение этого мотива может быть отнесено к самой заре телефонной эры, к 1870-м годам, когда Томас Уотсон встретил человека, который клялся, что двое известных ньюйоркцев подсоединили его мозг к своей телефонной линии для того, чтобы беспрестанно внушать ему разнообразные «дружеские пожелания и даже мысль об убийстве». Человек предлагал Уотсону срезать крышку черепа, чтобы электроинженер смог посмотреть, как работает эта штукавина.

Вряд ли будет ошибкой сказать, что эти сценарии электромагнитного контроля являются прообразом, старой демонологической аллегорией современных манипуляций СМИ и пропаганды. Их сущность остается тесно связанной с оккультизмом, с гипнотизирующими жертву призраками и месмерическими силами, которые уже присутствовали в электромагнетическом воображаемом. Персонажи «Дракулы» Брэма Стокера, опубликованного в 1897 году, постоянно сообщаются друг с другом при помощи телефонов, фонографов, телеграфов и печатных машинок. Садди Плантакс поясняет: «Вампиры возвращаются в блестящий мир неуловимых коммуникаций и телевизионных скоростей» [Дэвис, 2008:100-101]. Последняя фраза прямо объясняет сверхскорости вампиров из «Сумерек».

Резиденция самого влиятельного вампирского клана в Италии тоже неслучайна. Италия, Рим с древнейших времён ассоциировался с глобальной империей, захватывающей обозримое жизненное пространство планеты: Первая Римская Империя, формировавшаяся вокруг Вечного города, Вторая Римская Империя Карла Великого, распавшаяся потом на Италию, Францию и Германию, и Третья Римская Империя – Третий Рейх. Подобное стремление Европы подчинить себе весь мир хорошо отражено в словах епископа тевтонского ордена из фильма С. Эйзенштейна «Александр Невский»: «На небе один господь, на земле один его наместник, одно солнце освещает вселенную и сообщает свой свет другим светилам. Один римский властелин должен быть на земле. Всё, что непокорно Риму,

должно быть умерщвлено!» Этим, на наш взгляд, объясняется и мёртвость вампиров, их бездушность и холодность. *Бездушным* называют в русском языке злого и жестокого человека, а та жестокость, с которой «цивилизованные» европейцы

*Белые демоны-кровопийцы
(в фильме и в истории колонизации Америки).*

истребляли коренное население Африки, Азии и Австралии, потрясала даже передовые умы самой Европы, не говоря уже о туземцах, в глазах которых колонизаторы выглядели сущими демонами. Именно поэтому оборотни в романе «Сумерки» и называют вампиров «холодными».

Интересно в этом свете рассмотреть и кровопийство вампиров. Под кровью во многих языках в широком смысле понимается сама жизнь и обеспечивающие её ресурсы. Очень часто действия колонизаторов описывались как самый настоящий вампиризм, причём в литературе, весьма далёкой от мистики и вампирской темы: «В Кот д'Ивуар, где выращивают основной урожай какао-бобов, большинство владельцев плантаций использует рабский труд... Система использования и контроля над ресурсами способствует сохранению этой системы. Как только человеческое сырьё оказывается отработанным, его отбрасывают прочь и заменяют новым: восьмилетний ребёнок в Кот д'Ивуар не стоит и тридцати евро. Погибает он обычно через пару лет, так что, кто пробовал какао, тот испил детской крови» [Вернер, Вайс, 2007].

Впрочем, некоторые контексты «Сумерек» показывают, что Майер хорошо представляет себе и средневековые истоки легенд о вампирах, о чём мы писали выше. Так, рассказывая о своём отце Карлайле, который в XVII веке, ещё будучи смертным, возглавлял охоты на вампиров, Эдвард замечает: «Он нашёл настоящих вампиров, которые жили среди нищих и выходили на охоту по ночам» [«Сумерки», глава 15].

Социальный контекст романа С. Майер. Проблема личного выбора. Кроме истории любви в центре романа «Сумерки» стоит проблема выбора. Главная героиня Бэлла Свон любит вампира Эдварда, но испытывает также неясные чувства к оборотню Джейкобу, который пытается завоевать её любовь и вырвать её из когтей «хладного демона». Всё это могло бы показаться обычным любовным треугольником и мелодрамой, если бы не культурно-исторический фон, рассмотренный нами выше. В какой-то момент Бэлла осознаёт, что ей необходимо стать вампиром. Своему избраннику она мотивирует это желанием быть с ним вечно, а также избавиться от своей человеческой слабости и самой защищать Эдварда, но на деле, как видно из контекста событий и её отношения к Джейкобу, Бэлла жаждет бессмертия и могущества.

Если рассматривать вампиров как мифопоэтический образ современной элиты, то Белла желает войти в круг бранных, приобщиться к их преимуществам, на что уже обращали внимание некоторые литературные критики [Мак-Махон, 2010:206-211]. Но это хорошо видно и из контекста. Наиболее показательными в данном случае являются разговор Беллы с Эдвардом в конце первой книги и её размышления накануне свадьбы в начале четвёртой. После того, как Эдвард спасает Беллу из лап вампира-охотника Джеймса и та оказывается в больнице, она понимает, что хочет бессмертия и вечной жизни, когда же Эдвард начинает отговаривать её, она взрывается: «— По-моему, логично, что мужчина и женщина в чём-то должны быть равны! Один не может всё время спасать другого, они должны защищать друг друга на равных... Я не могу постоянно быть жертвой. Я тоже хочу стать суперменом!» [Майер, «Сумерки», глава 24]. Перед свадьбой мысли Беллы лихорадочно несутся: «я с каждым ужасным днем приближалась к своим девятнадцати годам, а Эдвард замер в своих прекрасных семнадцати. В принципе, не то чтобы этот факт в моей записной книжке означал свадьбу, но брак был необходим из-за некоторых деликатных и запутанных договоров между мной и Эдвардом, чтобы добраться до основной моей цели. Последняя ступень перед бессмертием [Майер, «Рассвет», 2010:19]. Я очень ждала, когда стану практически неуязвима. Стать членом семьи Калленов это не только дорогие машины и кредитные карты, но еще нечто гораздо лучше [Майер, «Рассвет», 2010:19].

*Социальный выбор Беллы.
Калены и квилеты.*

*Социальный выбор Беллы.
Современная цивилизация и хижины индейцев.*

В этом кроется причина того, что многие юные почитательницы «Сумерек» мечтают о вампирах и упорно ищут их в жизни. Вампиры заменяют им сказочных принцев на белых конях, к тому же они бессмертны и всесильны.

Однако в самом романе есть сцены, раскрывающие и нелицеприятную сторону существования вампиров, что, на наш взгляд, свидетельствует о глубокой проработке сюжета, что выгодно отличает роман С. Майер от прочей вампирской литературы. Наиболее проникновенным и напряжённым является на наш взгляд монолог Розали, которая уговаривает Беллу не становиться вампиром: «Хочешь услышать мою историю, Белла? В ней нет счастливого конца – но у кого из нас он есть? Если бы наши истории заканчивались хорошо, мы все лежали бы сейчас под могильными плитами... По сравнению с тобой, я жила совсем в другом мире. Мой человеческий мир был намного проще. Шел 1933 год. Мне было восемнадцать лет, я была прекрасна. Моя жизнь была идеальной. Мои родители были типичными представителями среднего класса. У моего отца была стабильная работа в банке, теперь я понимаю, что он был доволен тем, чего достиг, он предпочитал считать свое процветание наградой за талант и тяжкий труд, а не просто случайной удачей. Тогда я принимала все как должное; в моём доме даже Великая Депрессия казалась лишь неприятным слухом. Конечно, я видела бедняков, тех, кому не повезло. Мой отец убедил меня, что они сами были виноваты в своей бедности.

В обязанности моей матери входило содержать дом в безупречном порядке и воспитывать меня и двух моих младших братьев. И понятно, что обо мне она заботилась в первую очередь. Я была ее любимицей. Тогда я не совсем понимала, хотя смутно догадывалась, что моих родителей не удовлетворяло то положение, которое они занимали, несмотря на то, что их доходы были гораздо выше, чем у большинства других людей. Им хотелось большего. Им хотелось успеха в обществе, можно назвать их карьеристами. Моя красота была для них подарком судьбы. Они видели в этом гораздо больше возможностей, чем я... Я знала, чего хочу от жизни, и всё указывало на то, что я получу желаемое. Я хотела быть любимой, быть обожаемой. Мечтала о пышной, утопающей в цветах свадьбе, чтобы все в городе смотрели, как отец ведёт меня к алтарю, и думали, что нет на свете никого прекрасней. Белла, мне как воздух было необходимо восхищение. Я была глупой и поверхностной, но я была довольна всем. Влияние моих родителей сделало меня такой, я тоже желала от жизни материальных ценностей. Я хотела большой дом с элегантной мебелью, и чтобы кто-то следил за порядком в нем, и современную кухню, в которой бы кто-то готовил. Как я уже сказала, я была поверхностной. Юной пустышкой. И я не видела причин, по которым я не могла получить всего этого. Но кое-что из желаемого было для меня особенно важно. Особенно одно – брак. Тогда было совсем другое время. Несмотря на то, что мне было столько же лет, сколько тебе сейчас, я была полностью готова к этому. Мне очень хотелось иметь своего собственного малыша. Мне хотелось иметь собственный дом и мужа, который целовал бы меня, возвращаясь с работы – всё как у Веры...

Поскольку я изначально была пустышкой, то в первое время, видя свое отражение в зеркале, я чувствовала облегчение. Не считая глаз, я была самым прекрасным существом, которое когда-либо видела. Только позже, я стала винить свою красоту в том, что со мной произошло, и видеть в ней свое проклятие. Мне бы хотелось быть... ну, не совсем уродиной, но обычной. Как Вера. Тогда мне позволили бы выйти замуж за того, кто любил бы меня, и я смогла бы иметь хорошеньких детишек. Вот, чего мне действительно всегда хотелось. И я до сих пор считаю, что не просила слишком многого...

Разве ты не видишь, Белла? – неожиданно ее голос зазвучал более страстно, чем когда она рассказывала свою печальную историю. – У тебя уже все есть. У тебя есть целая жизнь впереди – все, чего я так хотела. И ты собираешься бросить всё это. Разве ты не видишь, что я готова на все, чтобы быть тобой? У тебя есть выбор, которого у меня не было, и ты собираешься совершить большую ошибку!... Эммет – это всё, о чем бы я просила, если бы знала себя настолько хорошо, чтобы понять, о чем нужно просить. Он именно тот, кто мне нужен. И, как ни странно, я ему тоже нужна. Эта часть моих желаний исполнилась даже лучше, чем я надеялась. Но больше никогда никого не будет, кроме нас двоих. И я никогда не буду сидеть вместе с ним, таким же седоволосым, как и я, где-нибудь на крылечке, окруженная внуками. С одной стороны, ты, в некотором смысле, взрослее, чем была я в свои восемнадцать лет. Но с другой стороны... есть вещи, о которых ты ещё серьезно даже не задумывалась. Ты ещё слишком молода, чтобы знать, чего захочешь через десять, пятнадцать лет – и слишком молода, чтобы отказаться от всего того, о чем даже не имеешь представления. Не будь опрометчивой в своих поступках, Белла, ведь речь идет о вечности» [Майер, «Затмение», глава 7].

Показательно, что автор устами Розали называет Беллу и подобных ей девиц пустышкой, а печальная история самой Розали резко обнажает классовые противоречия эпохи, выводя конфликт романа на социальный уровень.

По сути дела, роман С. Майер ставит перед читателем острую социальную проблему – проблему выбора между добром, которое понимается как верность своей природе и людям, и злом, заключённым в вечной жизни и уходе от людей; необходимостью довольствоваться малым и жаждой взять от жизни всё.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В итоге мы видим, что роман С. Майер позволяет коснуться многих серьёзных вопросов и познакомить молодёжь с самыми разными сферами современной духовной жизни общества: историческим языкознанием, мифологией, философией и классической литературой; узнать об истории слов, о происхождении древних поверий, приобщиться к творчеству великих классиков литературы (А.С. Пушкина, П. Мериме, А.К. Толстого и др.) и даже поразмышлять над социальными проблемами современности и далёкого прошлого. Необходимо заметить, что тема вампиров и оборотней – необычайно популярная тема, к которой обращались самые именитые классики, начиная с А.С. Пушкина, подарившего русскому языку само слово *вурдалак*, а также серьёзные исследователи, например, Т.А. Михайлова, доктор филологических наук, специалист по кельтским языкам и культуре [Михайлова, Одесский, 2009]. И по нашему мнению, основанному на вышеприведённом анализе, именно в романе С. Майер эти мифологические персонажи приближаются к своим человеческим прототипам, освобождаясь от фантастических наслоений позднего времени, на что и нужно, прежде всего, обращать внимание молодёжи, незаметно направляя её в русло классической художественной и отраслевой литературы.

Если же говорить о конкретных формах массовой работы в применении к «Сумеркам», то на абонементе художественной литературы Новосибирской областной юношеской библиотеки была организована выставка «Сумерки: от классики до наших дней», где была представлена вся перечисленная литература. В центре, под названием, располагались романы С. Майер, а ниже – тематически близкая литература в хронологическом порядке: от вампирских книг XX века до П. Мериме и А.С. Пушкина. Подобное расположение книг позволяет ненавязчиво переключить внимание на серьёзную литературу. В качестве ассоциативного материала использовалось авторское произведение – корона семистиший, написанная по мотивам «Сумеречной саги»:

ЗАПЕЧАТЛЕНИЕ (корона семистиший)

К чему любовь, коль есть запечатленье,
Что даровали волчьи духи мне,
Тавро пылающее, знак предназначенья,
Чей жар не остудить в морской волне.
Его огонь в груди не угасает
И образ твой навечно выжигает
В глубинах сердца волчьего, на дне.

В глубинах сердца волчьего, на дне,
Печали пламенной не будет утоленья,

И тёмной ночью, воя при луне,
Я тщетно жду волшебного мгновенья,
Когда явишь ты мне свой дивный лик,
И поглотит меня в тот самый миг
Единственное сильное влечение.

Единственное сильное влечение,
Стирающее прошлое во мне,
Несущее отраду и забвенье
И где-то там, под шкурой, в глубине
Палящее мой дух сильнее гнева
И пламенем летящее из зева,
Любому волку данное извне.

Любому волку данное извне,
Оно – источник негасимой боли,
Но оттого прекраснее вдвойне,
Как знак особой оборотня доли,
Рождённый и взлелеянный землёй,
Впечатанный безжалостной судьбой,
Древнее выбора и старше личной воли.

Древнее выбора и старше личной воли
Запечатление меж нами суждено,
Распределив заранее все роли
И опьянив, как старое вино,
К добру ли, к худу ли для нас, не всё равно ли?
Как предначертано судьбой давным-давно,
Оно ведёт за грань земной юдоли.

Оно ведёт за грань земной юдоли
В дремучий лес, что дремлет при луне,
И чьи вершины небеса вспороли
Печальной готикой, и где-то в глубине
Дробит оковы, разрушает клетки,
За стены рвётся, разрывает сети,
Разлук не зная, плавит сталь в огне.

Разлук не зная, плавит сталь в огне
И заменяет силы тяготенья,
Даёт желанье жить тебе и мне,
Питая все земные устремленья,
Неистребимо, вечно под луной,
Пронзает плоть и кровь, как волчий вой.

К чему любовь, коль есть запечатленье!

К чему любовь, коль есть запечатленье
В глубинах сердца волчьего, на дне,
Единственное сильное влечение,
Любому волку данное извне!
Древнее выбора и старше личной воли
Оно ведёт за грань земной юдоли,
Разлук не зная, плавит сталь в огне!

Можно предложить молодым читателям-поклонникам «Сумерек» принести свои стихи или рисунки, посвящённые данной тематике, и разместить их на выставке, или попросить их написать или нарисовать что-нибудь уже после ознакомления с культурно-историческим фоном романа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева, Л.М. Полярные сияния в мифологии славян / Л.М. Алексеева. – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2001. – 456 с.
- Баландин, Р. Цивилизация против природы / Р. Баландин. – М.: Вече, 2004. – 384 с.
- Большая советская энциклопедия. Т. 36. – М., 1954. – 672 с.
- Бродский, Б.И. Вслед за героями книг / Б.И. Бродский. – М.: Книга, 1967. – 85 с.
- Вернер, К. Чёрная книга корпораций / К. Вернер, Г. Вайс. – М.: Ультра. Культура, 2007. – 416 с.
- Виноградов, В.В. История слов / В.В. Виноградов. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1999. – 1138 с.
- Гоголь, Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород / Н.В. Гоголь. – М.: Дрофа, 2007. – 541 с.
- Дэвис, Э. Техногносис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху / Э. Дэвис. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2008. – 480 с.
- Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система Австралии // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии. – М., 1996. – С. 111-145.
- Зенкин, С. Массовая культура – материал для художественного творчества: к проблеме текст в тексте // Популярная литература: опыт культурного мифотворчества в Америке и России. Материалы V Фулбрайтовской гуманитарной летней школы. Москва 30 мая – 8 июня 2002 г. / отв. ред. Т.В. Венедиктова. – М., 2003. – С. 149-161.
- Иванов, В.В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 5: Мифология и фольклор / В.В. Иванов. – М.: Знак, 2001. – 376 с.
- Каку, М. Параллельные миры. Об устройстве мироздания, высших измерениях и будущем Космоса / М. Каку. – М.: «София», 2008. – 416 с.
- Каррен, Б. Вампиры / Б. Каррен. – М.: Эксмо, 2009. – 288 с.
- Клиническая психиатрия. – Киев: Здоровье, 1989. – 512 с.
- Костер, Ш. де Легенда об Уленшпигеле / Ш. де Костер. – М.: «Художественная литература», 1987. – 398 с.
- Купина, Н.А. Массовая литература сегодня: учеб. пособие / Н.А. Купина, М.А. Литовская, Н.А. Николина. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 424 с.
- Курбатова, Е.В. Формы библиотечных мероприятий / Е.В. Курбатова // ЦМДБ им. М. Горького [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gorlib.ru/colleag/metod/bibmer> . - 21.08.2012.

- Линдквист, С. Уничтожьте всех дикарей / С. Линдквист. – М: «Европейские издания», 2007. – 192 с.
- Лома, А. Прасл. **gospodъ bogъ* // Ad fonts verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Ж.Ж. Варбот. – М.: «Индрик», 2006. – С. 186-193.
- Майер, С. Затмение / С. Майер; пер. с англ. О. Василенко. – М., 2010. – 635 с.
- Майер, С. Новолуние / С. Майер; пер. с англ. А. Ахмеровой. – М., 2010. – 543 с.
- Майер, С. Рассвет / С. Майер; пер. с англ. О. Романовой. – М., 2010. – 635 с.
- Майер, С. Сумерки / С. Майер; пер. с англ. А. Ахмеровой. – М., 2010. – 447 с.
- Мак-Махон, Дж. Когда мечты сбываются // Сумерки и философия. Вампиры, вегетарианство и бессмертная любовь / ред. серии У. Ирвин, под ред. Р. Хусель, Дж. Висневски, Дж. Данн [и др.]; пер. с англ. Л. Сумм. – М.: «Юнайтед Пресс», 2010. – (Философия поп-культуры). – С. 206-220.
- Михайлова, Т.А. Граф Дракула: опыт описания / Т.А. Михайлова, М.П. Одесский. – М.: ОГИ, 2009. – 208 с.
- Платон. Диалоги. Книга вторая / Платон. – М.: Эксмо, 2008. – 1360 с.
- Пушкин, А.С. Избранные произведения / А.С. Пушкин. – М., 1972. – С. 196-197.
- Рахимчанова, Я.С. Молодые – молодым: Взгляд читателя на современную библиотеку // Сельская библиотека: альманах / Нац. Б-ка Чуваш. Респ.; сост. М.В. Андрюшкина, Т.М. Баймушкина. – Вып. 13-14: Молодые в библиотечном деле. – Чебоксары, 2011. – 68 с.
- Рук, А. Болезни волос и волосистой части головы / А. Рук, Р. Даубер. – М.: Медицина, 1985. – 528 с.
- Рыбаков, Б.А. Язычество древних славян / Б.А. Рыбаков. – М.: Наука, 1994. – 608 с.
- Словарь русских народных говоров. Т.22. – Л.: Наука, 1987. – 368 с.
- Целлариус, А.Ю. Я познаю мир. Хищные животные / А.Ю. Целлариус. – М.: АСТ «Астрель», 2005. – 398 с.
- Черняк, М.А. Массовая литература XX в. / М.А. Черняк. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 432 с.
- Meyer, S. Eclipse / S. Meyer. – New-York, 2010. – 632 p.
- Meyer, S. New Moon / S. Meyer. – New-York, 2009. – 566 p.
- Meyer, S. Twilight/ S. Meyer. – New-York, 2008. – 500 p.

Литературный суд над Стефани Майер.

От составителя

Сценарий данного мероприятия представляет собой приложение к изданию «Сумерки. Социокультурные истоки романа С. Майер» и основан на материале пособия и использованной в нём литературе. Речи действующих лиц в основном заимствованы из источников, хотя необходимые элементы судебных диалогов написаны автором, а сами цитаты, отмеченные кавычками, иногда намеренно искажены с учётом сюжета мероприятия: это касается обращений и глагольных времён. Кроме того, как и в самом пособии, тексты С. Майер цитируются по опубликованным переводам, но, поскольку эти переводы не всегда соответствуют оригиналу, ключевые моменты исправлены автором по английскому тексту.

В **цели** мероприятия входят:

Обучающая:

- отработка умения характеризовать литературного героя, цитируя и комментируя текст произведения;
- обучение умению обосновывать свою позицию в спорах о литературных вкусах;
- отработка рассуждения по проблемному вопросу;
- отработка умения видеть культурно-исторический фон и оценивать качество любимого произведения.

Развивающая:

- развить творческие актерские способности учащихся;
- выработать навыки выразительного чтения.

Воспитательная:

- воспитать интерес к серьёзной литературе;
- сформировать у подростков реалистический взгляд на мир;
- воспитать интерес к проблемам современности и негативное отношение к людям, живущим за счёт других.

Во время мероприятия обсуждаются следующие проблемы:

1. С. Майер – серьёзный писатель или автор простого коммерческого проекта?
2. Можно ли с помощью массовой литературы, интересной подросткам, говорить о серьёзных вещах?
3. Роман «Сумерки» – читать или не читать?

Метод, положенный в основу сценария, – литературный суд.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Судья: ведущий;

Подсудимый: **Стефани Майер** – американская писательница, автор романа «Сумерки»;

Защитник: **филолог**, специалист по древним языкам и культурам;

Обвинитель: **Дж. Мак-Махон** – философ, специалист по философии экзистенциализма;

Свидетели:

Белла Свон – главная героиня романа, влюблённая в вампира Эдварда Каллена;

Эдвард Каллен – вампир из олимпийского клана вампиров;

Джейкоб – молодой индеец-квилет, влюблённый в Беллу, оборотень;

Розали Каллен – сестра Эдварда.

Присяжные заседатели: **все присутствующие**.

ХОД ЗАСЕДАНИЯ

Ведущий: Встать, суд идет!

Судья: Прошу садиться. Многоуважаемые господа присяжные заседатели, все присутствующие! Мы собрались здесь сегодня для того, чтобы заслушать дело по обвинению С. Майер, автора популярной подростковой книги «Сумерки» с целью разрешения следующих проблемных вопросов:

1. С. Майер – серьёзный писатель или автор простого коммерческого проекта?
2. Чему учит С. Майер подрастающее поколение?
3. Роман «Сумерки» – читать или не читать?

Итак, в зал заседания вызываются:

Подсудимый: Стефани Майер – американская писательница, автор романа «Сумерки»;

Защитник: филолог, специалист по древним языкам и культурам;

Обвинитель: философ, специалист по философии экзистенциализма;

Свидетели:

Белла Свон – главная героиня романа, влюблённая в вампира Эдварда Каллена;

Эдвард Каллен – вампир из олимпийского клана вампиров;

Джейкоб – молодой индеец-квилет, влюблённый в Беллу, оборотень;

Розали Каллен – сестра Эдварда.

Господа присяжные, учитывая то, что дело достаточно сложное и запутанное, Вы должны фиксировать основные сведения о подсудимой, чтобы в конце заседания иметь завершённую картину, дающую исчерпывающее представление о нашем деле.

Итак, приступаем к слушанию дела по обвинению С. Майер в написании примитивного коммерческого проекта, пропаганде вампиризма, потребительского отношения к миру и другим людям. Для начала ознакомимся с биографией подсудимой.

(слайд-программа с биографией С. Майер)

Судья: Слово предоставляется обвинителю.

Обвинитель: Всю жизнь человек ищет возможности избежать смерти или хотя бы успокоиться от тревог на её счёт. В этом и состоит привлекательность вампиров: они воплощают нашу мечту о вечности. Кроме того, вампиры питаются кровью, а кровь – мощный символ жизни, значит, кровопийцы в каком-то смысле способны контролировать нашу жизнь. Этим они «сродны бессмертным богам, которым, по мнению известного философа Жана-Поля Сартра, мы все хотим уподобиться». В «Сумеречной саге» тревоги по поводу собственной смертности звучат вполне откровенно, и я утверждаю, господа присяжные, что с самого начала романа С. Майер стремилась показать читателю не идеальную любовь наивной девочки-подростка к прекрасному и совершенному юноше, а корыстный интерес хищницы, стремящейся к бессмертию, богатству и славе. Для подтверждения моих слов я хочу пригласить в качестве свидетеля главную героиню романа Беллу Свон.

Белла: Клянусь говорить правду, только правду и ничего, кроме правды!

Обвинитель: Расскажите о себе.

Белла: Мне всегда не нравилась моя внешность. «Возможно, если бы я выглядела, как типичная девица Феникса, то преуспела бы, но, увы, у меня не было ничего общего с типичными представителями солнечного края – я не светловолосая, загорелая блондинка, вроде тех, что играют в пляжный волейбол и срывают бурные аплодисменты. Кожа у меня бледная, никакого намека на голубые глаза и светлые или хотя бы рыжеватые волосы. Фигура стройная, однако не атлетичная.

С моей координацией и плохой реакцией все попытки заниматься спортом заканчивались позором для меня и создавали проблемы для окружающих».

Обвинитель: Что вы испытали, когда впервые увидели семейство Калленов?

Белла: «Завороженная дивной красотой лиц, я не обращала внимания на одежду и только потом отметила, что вещи на них были очень простые, но явно дорогие, скорее всего из авторских коллекций. С такой внешностью и грацией они и в лохмотьях привлекали бы всеобщее внимание. И я тогда подумала: деньги и красота – это уже слишком!»

Обвинитель: Что же произошло потом, когда вы очнулись в больнице после столкновения с вампиром-охотником Джеймсом? О чём вы подумали?

Защитник: Я протестую, Ваша Честь! Обвинение опускает значительную часть событий и роль в них вампира Эдварда!

Обвинитель: Ваша Честь, за всё время первой истории это было самое серьёзное испытание для Беллы, когда открываются истинные мотивы человеческих поступков.

Судья: Протест отклонён. Мисс Свон, отвечайте.

Белла: Я была рассержена на Эдварда. Мне казалось логичным, «что мужчина и женщина в чём-то должны быть равны! Один не может всё время спасать другого, они должны защищать друг друга на равных... Я не могла постоянно быть жертвой. Я тоже хотела стать суперменом!»

Обвинитель: Вы не хотели умирать?

Белла: Да. Я жаждала продать свою смертность за бессмертие. Это была единственная возможность остаться с Эдвардом навсегда.

Обвинитель: Ваша Честь, господа присяжные, обратите внимание на слово «продать». Оно как нельзя лучше передаёт отношение автора к чувствам героини. Более того, ради бессмертия она готова была оставить родителей и близких. «Но вампиры привлекают нас не только обещанием бессмертия. Отчасти мы боимся возрастных изменений как предвестия смерти, однако существует и особый страх постареть. Старение пугает нас, поскольку мы не можем сознательно контролировать этот процесс, но есть и другая причина: из молодости мы сотворили себе кумира. Как писал французский философ Альберт Камю, «юность уже не считается переходным и временным состоянием... это желанная цель, то состояние, в котором человек хотел бы сохранить себя навсегда». И у главной героини этот страх проявляется вполне отчётливо. Я приглашаю в качестве свидетеля Джейкоба Блэка, оборотня из племени индейцев-квилетов.

Джейкоб: Клянусь говорить правду, только правду и ничего, кроме правды.

Судья: Господин Блэк, вы упоминали при мисс Свон, что ваше племя волков не стареет, как и вампиры?

Джейкоб: Да, Ваша честь.

Обвинитель: И какова была её реакция?

Джейкоб: Она расплакалась.

Обвинитель: Мисс Свон, почему вы так поступили?

Белла: А что я должна была сделать?! «Среди них я чувствовала себя единственной, кому предстоит постареть! Каждый вонючий день делал меня всё старше, всё старше! Чёрт побери! Что же это такое? Где после этого справедливость?»

Обвинитель: Между прочим, вторую часть книги подсудимая начинает с описания сна Беллы, весьма примечательного. Я прошу взглянуть, Ваша Честь.

(фрагмент фильма - видеоролик «Сон Беллы»)

«Добавьте к этому неуязвимость, фантастические способности, вроде сверхскорости и сверхсилы, и вы получите полную картину скрытых человеческих вожделений, стремления стать могущественным и знаменитым. Но и это ещё не всё. В повседневной жизни нас постоянно тревожат другие люди, потому что мы от них зависим. Вампиры воплощают наше желание перейти на «иной уровень бытия», где нас уже не коснётся постоянное беспокойство о других людях. Для вампира люди – не беда, а еда. Вампир не должен подавлять свои страсти и желания, он становится хозяином любой ситуации и подчиняет себе людей». Я обвиняю госпожу Майер в том, что она своей книгой разжигает в подростках эти антисоциальные черты характера.

Судья: У Вас всё?

Обвинитель: Да, Ваша Честь.

Судья: Слово предоставляется защите.

Защитник: Ваша Честь, уважаемые господа присяжные. Я бы хотел обратить ваше внимание на некоторые детали в описании вампиров С. Майер, которые резко отличают их от привычных нам персонажей ужастиков. Господин философ лишь вскользь упомянул о них, а, между тем, они имеют, на мой взгляд, решающее значение при оценке серьёзности и глубины данного произведения. Кроме того, ничего не было сказано про оборотней, которые также отличаются от общей массы чудовищ в других историях. Итак. Вампиры у С. Майер не боятся солнечного света, но избегают солнца, поскольку в его лучах их бледная кожа начинает мерцать и переливаться, словно усыпанная драгоценными камнями. Они обладают огромной физической силой, способны перемещаться с огромной скоростью на любые расстояния. Они бессмертны и неуязвимы для любого оружия. Убить их может либо другой вампир, либо оборотень. У них много кланов в разных странах, их члены иногда носят имена древних богов, но самый могущественный клан Вольтури располагается в Италии, в замке Вольтерры.

Оборотни у С. Майер тоже весьма примечательны. Они превращаются в самых обыкновенных волков, только огромного роста, и делают это по собственному желанию. Они принадлежат индейскому племени квилетов и называют вампиров «холодными». Примечательно, что С.Майер одной из первых объяснила

непримиримую вражду между вампирами и оборотнями, о которой довольно часто упоминается в различных вампирских историях. Господин Блэк, что вы можете сказать по этому поводу?

Джейкоб: Белые – наши исконные враги. Жить среди белых очень опасно, даже если они кажутся цивилизованными. В любой момент можно ждать подвоха – они проголодаются и поднимут бунт. А мы.... Мы просто делаем свою работу. Пытаемся защитить людей. Даже существуем только потому, что есть они.

Обвинитель: Ваша Честь, я протестую, ибо всё это мало относится к делу.

Защитник: Простите, но я ещё не закончил.

Судья: Протест отклоняется.

Защитник: Если мы обратимся к истории Америки, то без труда узнаем в вампирах и оборотнях и их вечном противостоянии борьбу коренных американских жителей-индейцев против конкистадоров. Облик вампиров – это сверкающие доспехи, быстрые кони и мощное оружие завоевателей - глазами индейцев, и не только.... Народы Африки, которых покоряли кровожадные европейцы, называли их белыми демонами оружия, а кровопийцами испокон веков назывались эксплуататоры, представители правящих классов, именуемых в различных языках – Высший Свет – Люкс. Сравнительное религиоведение не только подтверждает это положение, но и довольно чётко показывает, что все без исключения небесные иерархии духов, ангелов и божеств создавались и эволюционировали по образу и подобию вполне земных социальных институтов. А их светлость определялась местонахождением божественных обителей, которые были чаще не на небе, а на горах (вроде Олимпа), ближе к свету солнца, что диктовалось простыми стратегическими соображениями, поскольку укреплённое поселение на господствующей высоте позволяет эффективно контролировать окрестности. Опять-таки хочется обратить внимание на то, что обозначения господ и их окружения (высший свет, ваша светлость, ваше сиятельство, господствующее положение, господствующая высота) довольно ясно указывает на связь яркого света и представителей высших классов. Холодность же вампиров Майер объясняется жестокостью, с которой богатые и сильные мира сего истребляли людей в разных уголках мира. Позвольте продемонстрировать вам данные из архивов.

(слайды с изображениями конкистадоров)

Смею утверждать, что подсудимая отдавала себе отчёт в этих фактах, и в доказательство я вызываю свидетеля Розали Каллен.

Розали: Клянусь говорить правду, только правду и ничего, кроме правды.

Судья: Расскажите, пожалуйста, свою историю, мисс Каллен.

Розали: «В ней нет счастливого конца - но у кого из нас он есть? Если бы наши истории заканчивались хорошо, мы все лежали бы сейчас под могильными плитами.... По сравнению с Беллой, я жила совсем в другом мире. Мой человеческий мир был намного проще. Шел 1933 год. Мне было восемнадцать лет, я была

прекрасна. Моя жизнь была идеальной. Мои родители были типичными представителями среднего класса. У моего отца была стабильная работа в банке, теперь я понимаю, что он был доволен тем, чего достиг, он предпочитал считать свое процветание наградой за талант и тяжкий труд, а не просто случайной удачей. Тогда я принимала все как должное; в моём доме даже Великая Депрессия казалась лишь неприятным слухом. Конечно, я видела бедняков, тех, кому не повезло. Мой отец убедил меня, что они сами были виноваты в своей бедности.

В обязанности моей матери входило содержать дом в безупречном порядке и воспитывать меня и двух моих младших братьев. И понятно, что обо мне она заботилась в первую очередь. Я была ее любимицей. Тогда я не совсем понимала, хотя смутно догадывалась, что моих родителей не удовлетворяло то положение, которое они занимали, несмотря на то, что их доходы были гораздо выше, чем у большинства других людей. Им хотелось большего. Им хотелось успеха в обществе, можно назвать их карьеристами. Моя красота была для них подарком судьбы. Они видели в этом гораздо больше возможностей, чем я.

Я знала, чего хочу от жизни, и всё указывало на то, что я получу желаемое. Я хотела быть любимой, быть обожаемой. Мечтала о пышной, утопающей в цветах свадьбе, чтобы все в городе смотрели, как отец ведёт меня к алтарю, и думали, что нет на свете никого прекрасней. Мне, как воздух, было необходимо восхищение. Я была глупой и поверхностной, но я была довольна всем. Влияние моих родителей сделало меня такой, я тоже желала от жизни материальных ценностей. Я хотела большой дом с элегантной мебелью, чтобы кто-то следил за порядком в нем, и современную кухню, в которой бы кто-то готовил. Как я уже сказала, я была поверхностной. Юной пустышкой. И я не видела причин, по которым я не могла получить всего этого».

Защитник: В архиве имеется запись разговора Розали со свидетельницей Беллой Свон, а также записи беседы мисс Свон со свидетелем Джейкобом Блэком. Вы позволите, Ваша Честь?

Судья: Пожалуйста.

(фрагмент фильма - видеоролик с Розали и Джейком)

Защитник: Как видите, господа, подсудимая устами своих героев осуждает стремление стать вампиром.

Обвинитель: Всё это прекрасно, Ваша Честь, но «история заканчивается превращением Беллы, в результате которого она стала совершенной и всемогущей, а кроме того, совершенно не испытывает жажду крови. Белле нет причин считать себя чудовищем. Получается, что отрастить клыки – сплошная выгода и никакой ложки дёгтя в той самой бочке. С. Майер представляет отказ Беллы от человеческой природы как счастье и торжество, сама человеческая природа выглядит презренной донельзя. В отличие от других книг, где подчёркивается безнадёжное одиночество и нравственная деградация вампиров, «Сумеречная сага» воспекает кровопийц. Пусть господин филолог прав, но в таком случае вина подсудимой

утяжеляется, поскольку, воспевая вампиров, С. Майер воспекает эксплуататоров и паразитов, отрекающихся от земной жизни. В этом проблема «Сумеречной саги»: жизнь принижена, её с готовностью отдают за несбыточные сны, ведущие к смерти – как физической, так и духовной – нежные вампиры потихоньку сосут нашу кровь, отучая видеть в жизни реальную ценность и присваивая наши ресурсы, поскольку, погружаясь в иллюзии, мы сами добровольно от них отрекаемся. Но, в отличие от Беллы, мы не проснёмся к вечной жизни и не обретём вечную любовь. Жизнь у нас только одна, и она, как и любовь, скоротечна». Поэтому я настаиваю, Ваша Честь, на самом суровом приговоре.

Судья: Суд выносит приговор: признать С. Майер виновной в формировании у подростков антисоциальных наклонностей, эгоизма, жестокости к окружающим людям и стремления к уходу от реальности. «Современные молодые люди должны отказаться от несбыточных мечтаний и постараться понять: те самые аспекты человеческого состояния, которые порой причиняют нам боль, как раз и делают нас теми, кто мы есть. Мы бываем чудовищами, для этого нам не надо укуса вампира, но чем дальше мы уходим от своей человеческой природы, тем худшими чудовищами становимся. Гуманные вампиры «Сумеречной саги» источают ядовитый соблазн: они обостряют нашу тягу к нечеловеческому, а потому, в конечном счёте, оказываются более опасными, чем обычные злые вампиры». Однако, учитывая, что именно эти идеи и воплощают собой волки-квилеты, а также глубокий социокультурный фон, на котором создавалось произведение, Суд счёл возможным смягчить приговор и рекомендовать книгу к прочтению при условии, что она будет пробуждать интерес к истории и важным социальным проблемам современности.

Господа присяжные, вам слово.

Использованная литература:

1. Майер, С. Сумерки / С. Майер; пер. с англ. А. Ахмеровой. – М., 2010. – 447 с.
2. Майер, С. Новолуние / С. Майер; пер. с англ. А. Ахмеровой. – М., 2010. – 543 с.
3. Майер, С. Затмение / С. Майер; пер. с англ. О. Василенко. – М., 2010. – 635 с.
4. Майер, С. Рассвет / С. Майер; пер. с англ. О. Романовой. – М., 2010. – 635 с.
5. Мак-Махон, Дж. Когда мечты сбываются // Сумерки и философия. Вампиры, вегетарианство и бессмертная любовь / ред. серии У. Ирвин, под ред. Р. Хусель, Дж. Висневски, Дж. Данн [и др.]; пер. с англ. Л. Сумм. – М.: «Юнайтед Пресс», 2010. – (Философия поп-культуры). – С. 206-220.
6. Meyer, S. Twilight / S. Meyer. – New-York, 2008. – 500 p.
7. Meyer, S. New Moon / S. Meyer. – New-York, 2009. – 566 p.
8. Meyer, S. Eclipse / S. Meyer. – New-York, 2010. – 632 p.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	3
МАССОВАЯ ЛИТЕРАТУРА И СЕРЬЁЗНЫЕ КНИГИ.....	5
МЕТОДЫ РАБОТЫ	7
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН РОМАНА С.МАЙЕР «СУМЕРКИ»	9
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	26
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	29
ПРИЛОЖЕНИЕ. Литературный суд над Стефани Майер.....	31